

RUDI CONRAD (Leipzig)

О СТАНДАРТНОМ И НЕСТАНДАРТНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Известно, что вопросительные предложения во всех языках употребляются не только для выражения вопроса, хотя это и следует считать их основной функцией. Часто они также выражают еще и другие значения, как, например, побуждение к какому-либо действию, угрозу и т. д. вплоть до эмоционального утверждения какого-либо факта, как в случае риторических вопросов. Это обстоятельство привело некоторых исследователей к отказу от возможности или по крайней мере к нежеланию дать точное определение или описание вопросительных предложений.

В следующем мы хотим показать, что для подобных заключений нет никаких оснований, если исходить из основной мысли о том, что употребление вопросительных предложений в самых различных функциях непосредственно связано с одной фундаментальной особенностью естественных языков вообще, а именно с употреблением различных языковых средств не в собственном значении, т. е. во вторичных функциях, отличающихся определенным образом от основной, типичной функции. Такие отклонения от „обычного“ употребления языка довольно хорошо известны, а отчасти и описаны в стилистике в виде метафорических выражений и вообще стилистических фигур различного типа (ср. напр., высказывание *Вот какая радость!*, примененное к событию, которое вовсе не доставляет радости). Думается, что механизмы, регулирующие подобные приемы использования языка, в значительной степени основываются на различии между десигнативным (сигнификативным) и денотативным значением языковых структур, причем между десигнатом и денотатом устанавливаются различного рода отношения, которые могут и должны быть описаны с целью объяснения функционирования языка.

Употребление языкового средства, которое полностью соответствует его десигнативному значению, т. е. его основной функции, мы будем называть стандартным, а применение такого же средства для обозначения денотата, не или не полностью соответствующего десигнату, — нестандартным употреблением. При этом нарочито выбирается терминологическая пара „стандартный“/„нестандартный“, а не термины „нормальный“/„ненормальный“, так как нестандартное употребление в естественных языках нельзя считать ненормальным, а наоборот, оно является вполне нормальным. Для удо-

влетворительного описания нестандартного употребления, очевидно, необходимо иметь тройного рода информации: 1. описание десигнативного значения соответствующего языкового средства, 2. описание денотата, т. е., конкретного объекта действительности или ситуации, и 3. знания об основных стратегических установках поведения человека в определенной ситуации (нем. *Verhaltensstrategien*). Описание стандартного употребления вопросительных предложений оказывается, таким образом, одной из необходимых предпосылок для понимания нестандартного употребления, ибо при описании нестандартного употребления требуется установить определенные соотношения между (десигнативной) семантикой вопроса и той конкретной ситуацией, к которой относится вопросительное предложение, опираясь на известный набор обобщенных правил поведения человека в подобных ситуациях.

На этом общетеоретическом фоне мы в дальнейшем хотим показать, что при описании различных функций, в которых выступают вопросительные предложения, необходимо различать три основных типа их употребления, характеризующиеся определенными структурными свойствами вопросительных предложений, с одной стороны, и их соотношением с действительностью, с ситуацией, с другой стороны.

Со стандартным употреблением вопросительного предложения мы имеем дело всегда тогда, когда оно служит для выражения вопросительной ситуации, т. е., когда оно действительно имеет значение вопроса. Это тот случай употребления вопросительного предложения, которым определяется его сигнификативная семантика, и по отношению к которому могут быть описаны все остальные случаи его употребления. Семантическое описание такого вопросительного предложения всегда складывается из трех обязательных составных частей. Оно включает, во-первых, общую характеристику вопросительной модальности предложения, которая в основном сводится к требованию отыскать и/или сообщить собеседнику ответ. В логических описаниях вопросов она обычно выражается специальным оператором вопроса „?“¹. Во-вторых, в самом вопросительном предложении задана схема ответа, т. е. предложение или фрагмент предложения, которым выражено то, что спрашивающему уже известно, и на основе которого определяется класс возможных предложений-ответов на данный вопрос. Наконец, в-третьих, вопросительное предложение, а тем самым и схема ответа, содержит в себе указание на область (класс) под вопросом, т. е. на то, что спрашивающему неизвестно. В качестве индикаторов области под вопросом в языке выступают, в частности, вопросительные местоимения и наречия наряду с другими средствами. Они маркируют то место в схеме ответа, в котором требуется подставить элемент из того класса, на который указывает индикатор, с тем, чтобы получить возможный (допустимый) ответ на заданный вопрос. Так, например, вопросом *Кто открыл окно?* задана схема ответа *× открыл окно*,¹ в котором для того, чтобы получить допустимый ответ, следует заменить вопросительное местоимение *кто* каким-нибудь обозначением лица, напр. *Петр, отец* и т. д., так как *кто* указывает на класс лиц как область под вопросом.

В силу этих условий, заданных в структуре самого вопросительного предложения и определяющих множество возможных ответов на данный вопрос, между вопросом и ответом устанавливается тесная связь, которую

можно назвать структурной детерминацией ответа вопросом.² Именно этим свойством и характеризуется стандартное употребление вопросительных предложений.

Для нестандартного же употребления вопросительных предложений характерно то, что отношение структурной детерминации модифицируется или осложняется дополнительным значением, частично или полностью игнорируется под воздействием речевой ситуации, так что ожидаемая реакция на заданный вопрос лежит уже вне сферы структурной детерминации, хотя вопрос формально остается вопросом. Таким образом, получаются „нечистые“ вопросы или псевдовопросы различного типа, для удовлетворительного описания которых недостаточно иметь в распоряжении только сигнификативное значение вопроса. Более того, нам представляется ошибочным и такой подход, при котором значения приказа, просьбы, угрозы, утверждения и т. д. приписываются таким вопросительным предложениям как „побочные функции“ вопросительных предложений вообще, т. е. в принципе на одном уровне со значением вопроса. Различие между первичной и вторичными или побочными функциями, т. е. между стандартным и нестандартным употреблением вопросительных предложений, коренным образом отличается от простой многозначности конструкций или отдельных словарных единиц именно тем, что нестандартные значения вопросительных предложений всегда „актуальны“, т. е. встречаются исключительно в конкретных ситуациях особого типа, а вне таких ситуаций не существуют.

Из этого следует, что при описании нестандартных употреблений следует установить определенные соотношения между сигнификативным значением вопроса и той ситуацией, в которой высказывается вопрос, причем эти соотношения, очевидно, складываются в значительной степени на основе известной нам информации о стратегии поведения человека в данной ситуации. Так, например, вопрос *Вы сейчас выходите?*, обращенный в трамвае к пассажиру, загораживающему выход, имеет не только чисто информативное значение вопроса, т. е. нацеливается не только на один из структурно заданных возможных двух ответов типа *Да, выхожу.* или *Нет, не выхожу.* В случае положительного ответа вербальная реакция *Да, выхожу.* достаточна, но в случае отрицательного ответа спрашивающий помимо лингвистически правильной реакции *Нет, не выхожу.* рассчитывает еще и на то, что тот даст ему возможность пройти, т. е. в этом случае вопрос воспринимается как требование или просьба освободить выход. Как объяснить такое наложение дополнительного значения на основное содержание вопросительного предложения? Очевидно, такую интерпретацию нельзя непосредственно приписывать структуре вопросительного предложения просто как „побочное значение“. Она связана с вопросительным предложением лишь косвенно, через ситуацию, Это явствует хотя бы из того, что можно представить себе другую ситуацию — например, когда спрашивающий сидит на своем месте, ничем не показывая никакого намерения выйти,

¹ См., напр., К. Ajdukiewicz, *Zdania pytalne*, *Język i poznanie*, t. 1, Warszawa 1960.

² Более глубокое обоснование и разъяснение этого свойства вопросительных предложений дано автором в другом месте (R. Conrad, *Linguistische Untersuchungen zur Beschreibung der Beziehungen zwischen Frage und Antwort*, Dissertation B, Leipzig 1975).

а его партнер собирается выходить. В такой ситуации вопрос *Вы сейчас выходите?* будет интерпретироваться в своем стандартном значении, т. е. без дополнительного значения просьбы или требования.

Это означает, что употребление, понимание и правильное реагирование на вопросительные предложения не основываются всего лишь на знании сигнификативной семантики предложения, а включают в себя творческую переработку данных непосредственной действительности. Таким образом, нестандартные значения вопросительных предложений оказываются в принципе умозаключениями, которые делаются собеседниками на основании и самого факта постановки вопроса, и знания сигнификативного значения вопроса, и знания ситуации, включая сюда также и знания о привычном поведении человека в типовых ситуациях. Характерным для всех типов нестандартного употребления вопросительных предложений является то, что ожидаемая реакция на вопрос частично или полностью выходит за рамки структурной детерминации ответа вопросом. В зависимости от того, в каком отношении и в какой мере это расхождение имеет место, можно выделить различные типы нестандартного употребления вопросительных предложений.

Как бы на грани между стандартным и нестандартным употреблением расположен, наконец, третий тип употребления вопросительных предложений, который связан с еще одним основным свойством некоторых вопросительных предложений. Это свойство можно назвать ожидаемостью ответа (нем. *Antwarterwartung*). Оно заключается в том, что некоторые типы вопросительных предложений, помимо значения вопроса, могут выразить еще и дополнительное предположение относительно вероятности одного из возможных ответов. Например, предложение *Не лучше ли нам перейти в другую комнату?* выражает не только нейтральный вопрос типа *да/нет*, а еще и предположение о том, что, наверное, лучше перейти в другую комнату. Это значит, что в данном вопросе одновременно дается вероятностная оценка различных структурно возможных ответов. Описание значения таких предложений представляет собой двойственную структуру, которая состоит из описания нейтрального вопроса, с одной стороны, и описания предположительного высказывания типа *Предполагается, что...* и т. п., с другой.³ При этом промежуточное расположение данного типа вопросов между стандартным и нестандартным употреблением вытекает из того, что „ожидаемое“ значение таких предложений отчасти выражено специальными языковыми средствами (напр., частицы типа *разве, неужели*, отрицательная форма вопроса), т. е. очевидно, входит в сигнификативное значение вопросительного предложения, а отчасти они приобретают такое дополнительное значение только в определенном контексте или в непосредственно данной ситуации. Однако общим признаком, объединяющим все вопросительные предложения, осложненные дополнительной ожидаемостью ответа, является то, что ожидаемая реакция на вопрос не выходит за рамки структурной детерминации ответа вопросом.

³ Подробный анализ вопросительных предложений такого типа см. в указанной выше диссертации, а также в статье: R. Conrad, *Ein Problem der Frage-Antwort-Beziehungen: Strukturelle Antwortdetermination und Antwarterwartung*, Linguistische Arbeitsberichte, Heft 13, Leipzig 1976.